

О ПРИЧИНАХ ПЕРЕХОДА К ПОДВОРНОЙ СИСТЕМЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В 1679–1681 ГГ.²

В статье представлены предварительные результаты исследования категории задворных людей по переписным книгам 1646 и 1678 гг. и причин перехода к подворному налогообложению.

Ключевые слова: финансы, подворное налогообложение, задворные люди.

Предметом исследования являются причины финансовой реформы 1679–1681 гг., в ходе которой страна перешла к подворному налогообложению, а также правовое положение и численность категории задворных людей по переписи 1678 г. В российской исторической науке высказывались различные суждения о хронологии и причинах этой реформы. А.С. Лаппо-Данилевский считал, что подворное налогообложение было введено уже в 1620-х гг. в виде живущей четверти [9, с. 242–257], С.Б. Веселовский отверг концепцию предшественника, показав, что комбинации дворов по-прежнему входили в состав сох, и считал основной причиной реформы 1679 г. разрушение сошного письма [1]. З.В. Дмитриева считает главной причиной рост недоимок и уклонение населения от их уплаты [7, с. 117]. Различные суждения высказывались и о категории дворовых и задворных людей: В.О. Ключевский считал их кабальными холопами [6], М.А. Дьяконов находил в их составе полоняников и старинных людей [5, с. 74, 249–269], В.М. Воробьев относит их к различным категориям холопов [2].

Статистической обработке данных переписных книг должен предшествовать источниковедческий анализ их сведений. Определения «дворовые» и «задворные» люди фигурируют в научных текстах на правах термина: считается, что дворовый человек жил во дворе владельца, или в пределах двора в людской избе, а задворные люди жили своими дворами «за двором» владельца в деревнях совместно с крестьянами. Считается также, что дворовый человек получал от землевладельца ежемесячное содержание, так называемую «месячину», а зад-

¹ Аракчеев Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, Уральский федеральный университет, arakk@rambler.ru, Россия, г. Екатеринбург.

² Доклад подготовлен в рамках проекта Российского научного фонда № 14-18-01873 «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX в.».

ворный человек вел самостоятельное хозяйство. Однако в источниках XVII в. нет однозначного определения таких понятий, как дворовый, деловой или задворный человек. Для анализа положения задворных людей необходимо изучить совокупность источников, которая достаточно представительно отражала бы и социальный статус населения, и методы его классификации переписчиками.

Нами исследованы переписные книги 1678 г., относящиеся к таким уездам, как Московский, Можайский, Вяземский, Великолукский, Пусторжевский, Дедиловский, частные акты (духовные грамоты), а также ссудные записи приказных изб. Для переписных книг Московского уезда 1646 г. было характерно смешение терминов «деловые», «задворные» и «кабальные люди». Так, в вотчине Н.И. Одоевского в Горетове стане были зафиксированы 2 двора деловых людей, 1 двор задворного делового человека и 5 дворов кабальных людей, среди которых названы кузнец, сокольники, конюх, псарь³. В поместье Я.К. Черкасского в стане Манатыне и Коровыне были описаны 27 дворов задворных кабальных людей⁴. Изредка термин «деловой человек» обозначал человек, жившего во дворе помещика, как, например, в вотчине Н.И. Романова в Ратуеве стану, где был отмечен «двор боярской, а во дворе деловых людей...»⁵. Термин «дворовые люди» был более определенным. Понятия «дворовые» и «крепостные люди» чаще всего обозначают людей, живших во дворе землевладельца: «двор боярской, а в нем живут всякие дворовые люди», «двор конюшей, да двор скотцкой, а в нем живут всякие крепостные люди»⁶.

Очевидно, что нечеткая терминология переписных книг дает основания, прежде всего, не для отождествления понятий, а скорее для выявления противоположных понятий. Можно выделить несколько таких противоположных парных терминов. Переписчики противопоставляли, во-первых, дворовых и задворных людей, во-вторых, «крепостных» и «старинных» людей и, в большинстве случаев, дворовых и деловых людей. Ясно, что два противоположных ряда понятий формируются, исходя из разных критериев. Дворовые, задворные и деловые люди различались, главным образом, по месту своего проживания — во дворе землевладельца или в отдельном дворе. С большой долей уверенности можно сказать, что переписчики отождествляли деловых и задворных людей. В то же время термины «крепостные» и «старинные» люди обозначали разные формы зависимости человека, описывая его правовое положение и зависимость «по крепостям» или «по старине».

³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 9809. Л. 230.

⁴ Там же. Л. 311 об.

⁵ Там же. Л. 509.

⁶ Там же. Л. 311 об., 332.

С иной ситуацией мы сталкиваемся при исследовании переписных книг Московского уезда 1678 г. Переписчики не выработали четкого критерия, отличающего дворовых, деловых и задворных людей. Деловые люди были зафиксированы как во дворах вотчинников, так и за двором. Но главная особенность переписной книги состоит в том, что дворовые люди жили как во владельческом дворе, так и за двором, а задворные люди фиксировались как за двором, так и во владельческом дворе. Так, в поместье стольника Еропкина в Замышской волости в помещицьем дворе в деревне Репниково были отмечены 6 деловых людей, «да за двором дворовые же деловые люди живут»⁷. Дворовый человек, таким образом, по мнению переписчиков не обязательно должен был жить во владельческом дворе, он вполне мог иметь свой двор.

В описании вотчины боярина Куракина сельца Одинцово был отмечен «двор боярский», но дворня жила в собственных дворах, и в поданной переписчикам сказке сочли нужным отметить именно факт отсутствия задворных людей в вотчине: «В том же сельце дворы сокольников, и хлебников, и поваренных людей, и конюхов, и псарей, а задворных людей нет»⁸. В вотчине боярина Голицына селе Ерино дворовые люди также жили за двором, а кроме них в собственных дворах жили деловые люди овчинники и рыбаки, а также коновал, конюхи, псарь, кузнец⁹. В итоге описания вотчины отмечены 11 дворов дворовых людей и 5 дворов деловых людей. Форма передачи сведений о крепостном населении зависела от сказки, содержавшей первичную информацию и подававшейся от землевладельца. Так, во всех описаниях вотчин боярина Одоевского поселения дворовых людей именуется слободками, видимо, под влиянием распространенного представления об их освобождении от налогов. В селе Богородском стоял «двор боярской», где были отмечены 8 человек, но кроме него стояла «слободка дворовых людей», где в 5 дворах жили кабальные люди, а в 3 — задворные¹⁰.

Не подтверждается источниками и ставшее аксиомой суждение о том, что дворовые люди в отличие от задворных получали месячину. В описании вотчины боярина Хитрово в селе Братцево был отмечен боярский двор, «а во дворе и около двора живут служивые крепосные кабальные люди и конюхи. Да в том же селе Братцево задворные деловые люди крепосные русские и иноземцы» общим числом 37 человек. В ремарке переписчиков отмечено: «А что в селе Братцево крепосные деловые люди русские и иноземцы, и на мелницах мелники, и в Копнине муковозы, и они едят хлеб боярской месячину»¹¹.

⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 9811. Л. 561.

⁸ Там же. Л. 568 об.

⁹ Там же. Л. 520.

¹⁰ Там же. Л. 473 об.

¹¹ Там же. Л. 21 об.—23.

С другой стороны, задворные люди нередко фиксировались во владельческих дворах. Так, в вотчине думного дворянина Толстого селе Яковлевском помимо «двора вотчинникова» был отмечен «двор скоцкой, а во дворе крепосные старинные задворные люди»¹². Вышеотмеченные особенности учета крепостных людей в переписных книгах приводят к вполне определенному выводу: задворные люди противопоставляются не только конюхам, дворовым и деловым людям, проживавшим в отдельных дворах, но и кабальным. Следовательно, статус задворного человека определялся не только исходя из его хозяйственного положения, но и зависел от формы закрепощения.

Подобная картина наблюдается на северо-западе России (Великолукский и Пусторжевский уезды), переписчикам которых, так же как и составителям «сказок», было свойственно представление о месячине как о неотъемлемой принадлежности дворовых людей, хотя на практике месячина заменялась пашней. В переписных книгах не отражалось реальное хозяйственное положение задворных людей, поскольку система учета несвободного населения в переписных книгах основывалась на «сказках», подававшихся помещиками и их приказчиками, как правило, не заинтересованными в том, чтобы давать избыточную информацию фискальным органам¹³.

Фиксируемый в переписных книгах рост количества холопов был в значительной степени связан с похолоплением пленников. До 1650-х гг. удельный вес пленных в составе холопов увеличивался во время войн, но сокращался после их окончания. Р. Хелли показал, что в 1634 и 1637–1638 гг. правительство издало указы об освобождении из плена литовских полоняников, не давших на себя кабальных грамот и принудительно удерживаемых их хозяевами [14, с. 82]. Эти положения были повторены в ст. 69 Уложения 1649 г.¹⁴ Однако рост численности холопов в 1650–1670-х гг. по причине притока полоняников свидетельствует, что после начала русско-польской войны 1654–1667 гг. вышеназванные нормы перестали выполняться. Во-вторых, в это время возрастает интенсивность миграций и притока «вольных» людей из-за рубежа. По данным новгородских, великолукских, пусторжевских переписных книг 1678 г. удельный вес задворных и дворовых людей в поместьях достигал 20–25 % от численности всего учтенного в переписных книгах населения [2].

С этими обстоятельствами связан феномен известных еще М.А. Дьяконову ссудных записей на задворных людей. Исследование материа-

¹² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 9811. Л. 309.

¹³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 8561. Л. 161. Л. 155; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 8393. Л. 1011; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 8394. Л. 610., 679; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 8176. Л. 225.

¹⁴ Соборное уложение 1649 г. Л., 1987. С. 111.

лов Дедиловской и Псковской приказных изб подтверждает, что во второй половине XVII в. задворные люди закрепощались особым способом без кабалы. В материалах Дедиловской приказной избы за 1680-е гг. сохранились десятки «сказок» о записи вольных людей, не бывавших «в службе великих государей и в тягле», в задворные люди «с судною записью»¹⁵. Таким образом, задворные люди в Дедиловском уезде — это особая категория крепостного населения, чья зависимость не была холопской, а оформлялась способом, свойственным отношениям землевладельцев с крестьянами. Это явление возможно сопоставить с противоположным процессом, имевшим место в 1552–1556 гг. в Спасо-Прилуцком монастыре, где для оформления крестьянского порядка использовался формуляр служилой кабалы, предусматривающий выдачу рядившемуся определенной денежной ссуды [12]. Таким образом, объяснение терминологической неопределенности переписных книг коренится в многообразии форм закрепощения сельского населения.

Проблема налогообложения холопов принадлежит к числу одной из наименее исследованных. До появления работ Е.И. Колычевой считалось, что холопы наделы не облагались налогами, однако исследователь показала, что в конце XV–XVI в. тягло с холопских наделов взималось [8, с. 119–132]. Возможность уклониться от уплаты налогов за холопьи наделы появилась у землевладельцев в 1580-х гг., когда был издан указ об «обелении» помещичьей запашки. Однако полностью освободила холопов от тягла только реформа «живущей четверти» 1620-х–1630-х гг.: как известно, «живущая четверть» состояла из определенного количества крестьянских и бобыльских дворов.

Первый указ о введении «живущей четверти» появился в 1620 г., последний — в 1632 г. Смысл реформы состоял в том, что четверть, ранее измерявшаяся количеством обрабатываемой земли, теперь измерялась числом крестьянских и бобыльских дворов. Нормы «живущей четверти» были плавающими и включали от 2 крестьянских и 2 бобыльских до 12 крестьянских и 8 бобыльских дворов. Однако первые разряды «живущей четверти» были чрезмерно тяжелыми для крестьян и могли разорить даже сравнительно благополучные северо-восточные уезды страны. Методом проб и ошибок к 1631 г. были оставлены два разряда «живущей четверти» (8 крестьянских и 4 бобыльских, и 12 крестьянских и 8 бобыльских двора), и, таким образом, реформа была завершена [1, т. 2, с. 415]. Реформа «живущей четверти» не предполагала перехода к подворному налогообложению; комбинации дворов по-прежнему входили в состав сох в традиционном объеме (от 600 до 1200 четвертей).

¹⁵ Архив СПб ИРИ РАН. Ф. 134 (Дедиловская приказная изба). Оп. 1. № 699, 704, 740, 741.

Несмотря на видимую нелогичность и сочетание противоречивых принципов, реформа доказала свою жизнеспособность и стала основой финансового восстановления государства. Как и многие реформы в допетровской России, установление норм живущей четверти не получило распространения в регионе, игравшем ключевую роль в финансовой политике страны – в черносошном Поморье. В Заонежских погостах была введена аналогичная окладная единица – живущая выть, но в большинстве уездов черносошного Севера посошная система обложения осталась в неприкосновенности [15]. Реформа живущей четверти в уездах поместно-вотчинного землевладения привела к непредсказуемым последствиям. Поскольку количество четвертей и сумма налогообложения определялись количеством дворов, землевладельцы активно сажали на землю «детенышей» и холопов, чьи дворы не включались в живущую четверть. Последствием этого решения стало не только восстановление хозяйства, но и численный рост сельского хозяйства.

До настоящего времени не вполне исследованной остается реальная тяжесть повинностей, падавших на крестьянский двор. В существующих исследованиях приведены данные о том, что в 1630-х гг. монастырские крестьяне платили с двора 60 коп., а черносошные 87–93 коп.; в 1660–1680-х гг. монастырские крестьяне платили 120 коп., а черносошные 101–154 коп. [4, с. 329–332; 11, с. 15–17]. Такой уровень налогообложения был неподъемным для разоренных или недавно основанных крестьянских хозяйств, что означало необходимость разверстки налогов внутри общины для их выплаты без недоимок. Подготовленные к публикации С.Б. Веселовским «Акты писцового дела» показывают, что наиболее сложным для государства было взимание налогов в черносошных волостях¹⁶, которые, во-первых, обладали мощной организацией, способной действовать как в интересах фиска, так и сопротивляться фискальному давлению. Во-вторых, отказ от введения живущей четверти в Поморье привел к сохранению в черносошных уездах чрезмерного фискального давления.

Если реформа «живущей четверти» смотрится как уникальное явление в правительственной политике 1620-х гг., характеризовавшейся судорожными усилиями власти по выходу из кризиса, то третья финансовая реформа 1679–1681 гг., в ходе которой страна перешла к подворному налогообложению, обнаруживает в себе черты системности. Помимо введения подворного принципа налогообложения, указами 5 сентября и 27 ноября 1679 г. правительство заменило целый комплекс налогов (данных, полоняничных, четвертных, пищальных денег, денежных доходов «на мелкие расходы») новым налогом – стре-

¹⁶ Акты писцового дела 60–80-х годов XVII века. М., 1990. № 7. С. 67; № 12. С. 72; № 27. С. 153; № 69. С. 264–265.

лецкими деньгами, или в ряде уездов, преимущественно южных, стрелецким хлебом¹⁷. Первоначально введение нового налога расценивалось как временная мера «впредь до валовых писцов», однако согласно наказу от 1 февраля 1682 г. перед валовыми писцами не были поставлены фискальные задачи, и временное преобразование 1679 г. обрело качество реформы с долговременным действием.

Дворы посадских и уездных людей по наказу 1682 г. предписывалось «не писать и денежными доходами не окладывать», в силу того, что после составления переписных книг налоги они должны были платить «с дворового числа». Оклад стрелецких денег оказался непосилен для большинства посадов и уездов и после совещаний с гостями указом от 19 декабря 1681 г. правительство снизило общую сумму стрелецкой подати почти на треть со 152627 руб. до 107550 руб. [13]. Стрелецкий приказ отвечал за сбор стрелецких денег до 1683 г., когда было решено передать сбор основного налога в четвертные приказы. Одновременно контроль за сбором стрелецких денег был передан воеводам. По данным М.А. Мацука, сбор стрелецких денег в 1680–1690-х гг. в черносошных волостях также сопровождался постоянными недоимками, которые до 1683/84 г. составляли 62–74 % оклада [10, с. 184–185, 192–193, 382–383]. Даже если правительство в своих реформаторских замыслах и руководствовалось целью добиться своевременной и полной уплаты налогов, очевидно, что этой цели оно не достигло.

Зато достигнутой в ходе реформы оказалась другая цель: увеличение численности тяглого населения посредством включения в его состав новых категорий тяглецов. Начиная с 1620-х гг. задворные люди, во-первых, в большинстве случаев сидели на пашне «своими дворами», будучи неотличимыми от крестьян и бобылей, а, во-вторых, их было невозможно включить в сошное письмо, поскольку живущая четверть состояла лишь из крестьянских и бобыльских дворов. Полагаем, что взрывной рост численности задворных людей подтолкнул правительство к идее рассчитывать налогооблагаемую базу для разверстки стрелецкого хлеба исходя из численности дворов, в том числе, задворных людей. Об их включении в тягло говорится в указах 2 сентября и 9 октября 1679 г. [3]. Включение задворных людей в тягло обозначило, с одной стороны, переломный момент в процессе закрепощения сельского населения, а с другой стороны, переход к новой системе взимания налогов.

Выдвинутая гипотеза нуждается в дальнейшем исследовании путем систематического изучения приказной документации, однако уже сейчас возможно сделать предварительные выводы. Сформулированная в 1885–1886 гг. В.О. Ключевским концепция закрепощения была основана на представлении о влиянии кабального холопства на крестьянс-

¹⁷ Дополнения к Актам историческим. СПб., 1875. Т. 9. № 89. С. 190.

кую крепость в рамках вотчинного режима. В этом же направлении развивались первые исследования Е.И. Колычевой, изучавшей проблему «холопа на пашне». Приведенные в докладе данные убеждают, что становление крепостного права осуществлялось путем инкорпорации холопов и других маргинальных групп зависимых людей в состав крепостного населения в первую очередь под влиянием государственных указов, вызванных потребностями фиска.

Литература

1. *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. М., 1915–1916. Т. 1–2.
2. *Воробьев В.М.* Изживалось ли холопство в поместьях Северо-Запада России середины XVII – начала XVIII в.? // История СССР. 1983. № 4. С. 113–123.
3. *Голубцов И.А.* К истории податной реформы 1679–1681 гг. // Исторический архив. 1959. № 5. С. 155–167.
4. *Горская Н.А.* Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. М., 1977.
5. *Дьяконов М.А.* Очерки из истории сельского населения в Московском государстве. СПб., 1898.
6. *Ключевский В.О.* Подушная подать и отмена холопства в России // Сочинения. М., 1990. Т. 8.
7. *Козлов С.А., Дмитриева З.В.* Налоги в России до XIX в. СПб., 2001.
8. *Кольчева Е.И.* Холопство и крепостничество (конец XV–XVI в.) М., 1971.
9. *Лапто-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве. СПб., 1890.
10. *Мацук М.А.* Государственный феодализм: формы феодальной эксплуатации черносошных крестьян и посадских людей Европейского Севера и Приуралья в XVII в. // Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма. Свердловск, 1991.
11. *Мацук М.А.* Фискальная политика Русского правительства и черносошное крестьянство Восточного Поморья и Приуралья в XVII в. Сыктывкар, 1998. Ч. I–II.
12. *Панеях В.М.* К вопросу о так называемых деревенских служилых кабалах Спасо-Прилуцкого монастыря // Проблемы источниковедения. Т. V. М., 1956. С. 210–230.
13. *Устюгов Н.В.* К вопросу о раскладке повинностей по дворовому числу в конце XVII в. // Академику Б.Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952. С. 221–222.
14. *Хелли Р.* Холопство в России 1450–1725. М., 1998.
15. *Шапиро А.Л.* Живущая четь и живущая выть // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XIX. Л., 1987. С. 113–115.